



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 299–305

*Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 299–305

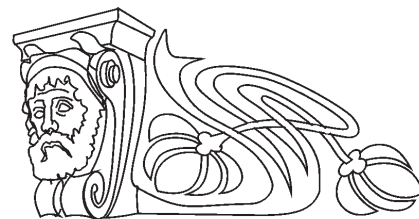
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-299-305>, EDN: LOOWGV

Научная статья

УДК 821.161.1-32.09+929Чехов

## Религиозное начало в творчестве А. П. Чехова («Архиерей»)



И. С. Москвичев

<sup>1</sup>Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

<sup>2</sup>Саратовская православная духовная семинария, Россия, 410028, г. Саратов, ул. им. И. В. Мичурина, д. 92

Москвичев Игорь Сергеевич, <sup>1</sup>аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, <sup>2</sup>старший преподаватель, [moskvichev\\_igor@mail.ru](mailto:moskvichev_igor@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0001-2417-9389>

**Аннотация.** На примере рассказа «Архиерей», написанном уже в зрелом возрасте, рассмотрено влияние религиозного воспитания А. П. Чехова на его творчество. Увиденное и услышанное в детстве и юности с годами трансформировалось и находило выражение в словах и действиях чеховских персонажей. Будучи церковным певчим в Таганроге, Чехов видел не только богослужебную жизнь священнослужителей, но и их быт, что обычно скрыто от прихожан и посторонних людей. В «Архиерее» правдиво воспроизводится бытовое существование преосвященного Петра, его взаимоотношения с близкими родственниками, помощниками и келейником, подробности архиерейской службы. Рассказ «Архиерей» построен на параллелях с евангельским текстом, повествующим о последних днях жизни и смерти Иисуса Христа. Архиерей в православном богослужении символизирует Христа. Преосвященный Петр, преодолевая болезнь и совершая службы Страстной седмицы, умирает накануне Пасхи. Присутствие узкого круга родных и близких и их скорбь по ушедшему архиерею сродни евангельскому рассказу о небольшом количестве свидетелей распятия и малом количестве тех, кто по-настоящему скорбел после голгофской казни. Чехов говорил, что всегда писал по воспоминаниям. Так и образ своего архиерея он списал с настоящего – епископа Таврического и Симферопольского Михаила (Грибановского). По словам Марии Павловны Чеховой, фотография архиерея со старушкой-матерью находилась в кабинете писателя. Сюжет рассказа включает линию преосвященного Петра и его престарелой матери. Ценность рассказа состоит в отражении в нем понимания, что каждый человек идет своим путем, поэтому он откликается в сердцах всех людей, как верующих, так и далеких от церковной жизни.

**Ключевые слова:** Чехов, «Архиерей», творчество, евангельский текст, религиозное воспитание, богослужебная литература, параллели

**Для цитирования:** Москвичев И. С. Религиозное начало в творчестве А. П. Чехова («Архиерей») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 299–305. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-299-305>, EDN: LOOWGV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### The religious principle in A. P. Chekhov's oeuvre (*The Bishop*)

I. S. Moskvichev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Saratov Orthodox Theological Seminary, 92 I. V. Michurina St., Saratov 410028, Russia

Igor S. Moskvichev, [moskvichev\\_igor@mail.ru](mailto:moskvichev_igor@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0001-2417-9389>

**Abstract.** The example of the story *The Bishop*, written already at a mature age, is used to examine the influence of A. P. Chekhov's religious education on his oeuvre. What he saw and heard in his childhood and youth transformed over the years and found expression in the words and actions of Chekhov's characters. Being a church singer in Taganrog, Chekhov saw not only the liturgical life of the clergy, but also their everyday life, which is usually hidden from parishioners and strangers. In *The Bishop*, the everyday life of Bishop Peter, his relationships with close relatives, assistants and cell attendant, and details of the bishop's service are truthfully reproduced. The story *The Bishop* is based on parallels with the Gospel text, which tells about the last days of the life and death of Jesus Christ. The bishop in the Orthodox service symbolizes Christ. Bishop Peter, overcoming his illness and performing the services of Holy Week, dies on the eve of Easter. The presence of a narrow circle of relatives and friends and their grief for the departed bishop is akin to the Gospel story about the small number of witnesses to the crucifixion and the small number of those who truly grieved after the execution on Golgotha. Chekhov said that he always wrote from memories. So he copied the image of his bishop from a real one – Bishop Mikhail (Gribanovsky) of Taurida and Simferopol. According to



Maria Pavlovna Chekhova, a photograph of the bishop with his elderly mother was in the writer's office. The plot of the story includes the line of Bishop Peter and his elderly mother. The value of the story lies in the fact that it reflects the understanding that each person goes their own way, so it resonates in the hearts of all people, both believers and those far from church life.

**Keywords:** Chekhov, *The Bishop*, oeuvre, gospel text, religious education, liturgical literature, parallels

**For citation:** Moskvichev I. S. The religious principle in A. P. Chekhov's oeuvre (*The Bishop*). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 299–305 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-3-299-305>, EDN: LOOWGV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рассказ «Архиерей» опубликован в 1902 г., когда автор был уже зрелым человеком и писателем. Это дает возможность в качестве задачи данного исследования проанализировать на примере одного произведения, каким образом религиозные основы, заложенные в детстве, прошли через всю жизнь и как они трансформировались в творчестве позднего Чехова.

«Архиерей» построен вокруг жизни – последних дней – епископа Петра, который в тексте именуется «преосвященным». Правдиво показаны настроение и общее состояние утомленного продолжительным Великим постом болезненного архиерея. Праздник Вербного воскресенья, о котором говорится в самом начале рассказа, несмотря на то что наступает через шесть недель после начала Великого поста (Четыредесятницы), является важным для каждого верующего человека, так как открывает собой Страстную неделю или седмицу – особое время церковного года, когда каждый день именуется «святым» и посвящен памяти последних событий жизни Господа Иисуса Христа.

В церковно-литургической символике епископ изображает собой Спасителя. Она имеет историческое основание. Как Христос передал апостолам власть «вязать и решить» (см. Мф. 18: 18), так и они, проповедуя, наделяли этой властью епископов, которых поставляли во главе той или иной основанной ими церкви (см.: Деян. 17: 34 и др.). Чехов, будучи учеником греческой гимназии, где он слушал курс Закона Божия, конечно, знал об этой символике. Сюжет рассказа подтверждает ее присутствие: главный герой умирает в канун Пасхи, т. е. в Великую субботу, когда церковные богослужения наполнены скорбью о распятии Иисуса Христа. Мы видим две параллели: личности епископа Петра и Его прообраза – Христа, и тема смерти Христа и Архиерея. Соотносит эти два события малое количество верующих, для кого смерть стала действительно потерей: Христа оплакивали немногие, а кончина епископа стала по-настоящему скорбной для его матери и близкого окружения. В финале рассказа читаем: «Через

месяц был назначен новый викарный архиерей, а о преосвященном Петре уже никто не вспоминал» [1, С., т. 10, с. 201].

В рассказе «Архиерей» детально раскрывается личность епископа. Во время всенощной читатель становится как бы соучастником или сослужителем богослужения, имея возможность разглядеть слезы на щеках и бороде персонажа, увидеть изможденность лица, почувствовать дыхание, наблюдать архиерея в быту, в общении с родными и близкими, в работе, принимающим посетителей вместо болящего правящего, т. е. более высокого рангом епископа. Впечатления усиливают точные медицинские замечания, которые позволяют прочувствовать тяжесть физического и психического состояния преосвященного Петра.

Религиозное чувство присуще человеку с рождения. Оно может сохраниться на начальном уровне, помогая отличать добро и зло, а может развиваться под действием особых усилий человека. Апостол Павел размышлял над тем, что способность различать добро и зло присуща даже язычникам (см.: Рим. 2: 14–15). Гимназист и церковный певчий Антон Чехов обладал развитым религиозным чувством. Детство на клиросе и вероисповедная строгость отца позволили ему погрузиться в церковную жизнь и увидеть ее изнутри. Важно отметить, что речь идет не о педагогических приемах, а о фактах многолетнего знакомства Чехова с богослужебными текстами, литургической практикой, и нахождение внутри этой православной культуры, несомненно, оказало влияние на становление его как человека и впоследствии помогло ему в писательском деле.

Рассказ «Архиерей» является ярким свидетельством того, как впитанные в детстве религиозные впечатления позволили передать атмосферу и дух, которые были вокруг преосвященного епископа Петра, и в церкви на богослужениях, и во внебогослужебной обстановке.

В литературе часто говорится о том, что Чехов тяготился продолжительными церковными службами и чувствовал себя на них «каторж-



ником» [1, П., т. 5, с. 20]. Однако есть и другие свидетельства: будучи вместе с братом Николаем на соборной колокольне, он увидел мать, которая шла к началу службы. Николай начал резво звонить во все колокола, хотя обычно так принято встречать только архиерея. Антон был несколько расстроен тем, что это придумал не он сам [2, с. 15].

Повзрослев, Чехов не стыдился своего воспитания и происхождения. Будучи студентом, он писал брату Александру: «Я потихоньку становлюсь почтенным и уважаемым гражданином. В собор хожу в табельные дни не иначе как налепляя воском на галстух свою гимназическую медаль. Словом, иду по стопам прародительским» [3, с. 325]

Врожденное любопытство Чехова помогало ему подмечать детали. Оно «заставляло его прислушиваться к тому, как говорят священники и дьячки, как стоят посреди церкви чиновники или жены лабазников, как, звеня кружками за поясом, крестятся богомолки» [2, с. 15].

На примере рассказа «Архиерей» можно представить религиозное начало в жизни Чехова, которое сопутствовало ему с детства. Говоря о произведениях Л. Н. Толстого, Чехов пишет М. О. Меньшикову: «Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из Евангелия, – это уж очень по-богословски. Решать все текстом из Евангелия – это так же произвольно, как делить арестантов на пять разрядов. Почему на пять, а не на десять? Почему текст из Евангелия, а не из Корана? Надо сначала заставить уверовать в Евангелие, в то, что именно оно истина, а потом уж решать все текстами» [1, П., т. 9, с. 30]. Слова, сказанные в порыве, показывают отношение самого Чехова к вере – сначала доказать, уверовать, а потом этим пользоваться. Этот процесс в жизни людей идет с разной скоростью, но в главном герое – епископе, который в детстве имел религиозный опыт, а потом много учился – он изображен очень отчетливо. Здесь ясно видно, что человек исповедует то, что проповедует. Конечно, строки Чехова из этого письма отражают и его отношение к священным текстам – вера не должна быть слепой, а должна иметь под собой основание, которое находится в самом человеке. «Откровение не панацея от сомнения, сан не избавляет от обыденно-человеческого. Послушники, дьяконы, священники, настоятели и архиереи у Чехова такие же люди, как прозекторы, купцы, батарей-

ные командиры, следователи, извозчики» [4, с. 653], – размышляет А. П. Чудаков над проявлениями веры в произведениях писателя.

Важно то, что время, в которое жил Чехов, не смогло искоренить в нем религиозного чувства. На его воспитание наложились впечатления уже взрослого человека, врача, мировоззренческие установки, образованность. Он ценил достижения науки, любил свою эпоху и понимал благо новых явлений, которые касались как бытовой жизни, так и профессиональной. «Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины», – писал Чехов А. С. Суворину [1, П., т. 3, с. 208]. При этом писатель не был сторонником крайней позиции – отрицание всего религиозного ему было чуждо, это дало возможность понимать науку через призму веры, искусства, литературы. В другом письме А. С. Суворину Чехов отмечал: «Знания всегда пребывали в мире. И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение <...> Если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает еще историю религии и романс “Я помню чудное мгновение”, то становится не беднее, а богаче, – стало быть, мы имеем дело только с плюсами» [1, П., т. 3, с. 216].

Религиозные основы воспитания помогли писателю сохранить трезвое отношение к жизни. Он говорил: «Что мир “кишит негодьями и негодяйками”, это правда. Человеческая природа несовершенна, а потому странно было бы видеть на земле одних только праведников» [1, П., т. 2, с. 11]. Отражение этого мнения мы видим в персонажах «Архиерея».

Среди них – глубокие образы отца Сисоя – бывшего эконома, т. е. заведующего церковным хозяйством, и старухи-матери, которая, растрогавшись, называет архиерея Павлушей. Фигура самого епископа оттеняется ими. О нем автор сообщает подробно, образ архиерея развивается во времени. От неважной учебы, «так что хотели его из духовного училища отдать в лавочку» [1, С., т. 10, с. 189], до оконченной духовной академии и защищенной диссертации. Далее говорится о восьми годах, проведенных в Европе «по совету докторов» [1, С., т. 10, с. 192]. А затем о служении в священном сане и реалиях русской жизни, которая тяготила главного героя. Но вместе с этим можно увидеть изменения в отношении епископа к вещам: то, что прежде



волновало его, теперь казалось мелочным. Внутренний подъем является подготовительным, а смерть накануне Пасхи – добрым знаменем, указывающим на богоугодность жизни пресвященного.

Его образ был навеян известным богословом и библеистом того времени епископом Таврическим и Симферопольским Михаилом (Грибановским). Он, как и чеховский герой, происходил из семьи священника, окончил семинарию и академию, защитил диссертацию, по указанию врачей несколько лет провел в Европе, в странах с благоприятным климатом, был инспектором академии и, наконец, стал архиереем. Говорить об образе епископа Михаила как прототипе героя из рассказа «Архиерей» можно вполне определенно, поскольку об этом имеется свидетельство 1946 г., принадлежащее сестре писателя Марии Павловне. Отвечая одному из читателей на вопрос о том, с кого был сделан этот образ, она писала: «Возможно, что Вы правы, что епископ Михаил Грибановский послужил темой для рассказа “Архиерей”. В кабинете брата – в витрине сохранился умильный портрет епископа со старушкой матерью» [5, с. 92]. К слову, этот портрет сохранился до наших дней, а образ старушки-матери присутствует в тексте всего рассказа. Заметим, что у матерей архиереев – книжного и действительного – тоже обнаруживается много общего: обе были из священнического сословия, родили много детей и стали вдовами, обе пережили своих сыновей. Учитывая большое биографическое сходство между «двумя архиереями», можно сделать вывод, что образ епископа Михаила действительно вдохновил Чехова на написание этого рассказа. Данное утверждение представляется нам как вполне соответствующее действительности и подтверждается современными исследователями А. Г. Головачёвой, И. А. Пшенёвой и С. Б. Филимоновым [5, с. 96].

В тексте рассказа встречаются многочисленные литургические и богослужебные наименования: всенощная под Вербное воскресенье, канон, песнопение про жениха, грядущего в полнощи, и про «чертог украшенный» [1, С., т. 10, с. 195] клирос, епархиальный архиерей, vicарный архиерей, архимандрит, протоиерей, дьякон, игуменья, проскомидия, вечерня, заутреня, обедня, молитва, проповедь, омовение ног, страсти Господни и двенадцать евангелий.

Глубокое знание этих слов и их использование в художественном произведении указывают

на то, что его автор имел непосредственное отношение к богослужебной практике и хорошо знал их изнутри. Обращает на себя внимание еще одна деталь. Архиерей внимательно относится к богослужебному пению: «Как они сегодня хорошо поют! – думал он, прислушиваясь к пению. – Как хорошо!» [1, С., т. 10, с. 196]. Забота о церковном пении является одной из обязанностей епископа. В среде священников такое внимание встречается гораздо реже, а в среде архиереев – довольно часто. К примеру, сам епископ Михаил – прототип чеховского архиерея – к пению относился весьма трепетно, кроме этого, имеются многочисленные дневниковые записи саратовского архиепископа Пимена (Хмелевского), который сетовал на неслаженное пение и, напротив, был в восторге от проникновенного молитвенного пения [6, с. 109]. Эту архиерейскую особенность Чехов, несомненно, разглядел во времена своего «клиросного» детства и впоследствии употребил ее в своем творчестве, добавив естественности образу и характеру своего героя.

Говоря о характерах, отметим, что весь рассказ построен на взаимоотношениях разных типов людей, относящихся к церкви, но имеющих и свои недостатки. Важно заключить, что церковный тип здесь употребляется в широком смысле и включает в себя как представителей духовенства (самого пресвященного Петра, иеромонаха Сисоя), так и мирян (мамы епископа, племянницы Кати и т. д.). Изображенная жизнь церковных людей в повседневной бытовой ситуации разрушает традиционное представление о служителях церкви как небожителях, т. е. Чехов опровергает суждение о том, что церковь – это общество святых. Здесь он вторит известному святому IV в. преподобному Ефрему Сирину, который писал, что церковь есть не собрание святых, а толпа кающихся грешников [7, с. 125].

Чехов понимал сложность души человека, ее изменчивость. Он не очаровывался высокими примерами благочестия и одновременно относился к ним с уважением. К слову, в письме сестре Марии Павловне Чехов упоминает, что Степан Алексеевич Петров, бывший архимандритом Сергием, стал теперь епископом, т. е. архиереем [1, П., т. 8, с. 22]. Хотя нет достоверных сведений о том, встречался ли Чехов с епископом Сергием, но обратим внимание на то, как об этом сказано – последней строчкой в письме, как бы вскользь. Он счел нужным сообщить новость, но не останавливаться на ней.





Это письмо, а также многие другие, ставят перед исследователями вопрос об отношении Чехова к религии. Мнения их на этот счет разнятся радикально. Можно предположить, что давление религиозного отца и принуждения бывать на церковных службах привели к тому, что Чехов впоследствии выдавливал «из себя раба» [1, П., т. 8, с. 133], однако при этом важно помнить, что Чехов о своей религиозности говорил неопределенно. С одной стороны, он писал, что религии для него больше нет [1, П., т. 5, с. 20], с другой, отмечал, что нынешняя работа людей направлена к тому, чтобы спустя много лет человечество познало Бога [1, П., т. 9, с. 106].

Несомненно то, что идеи христианства ему были близки, несмотря на восторг перед Ч. Дарвином. Б. К. Зайцев сравнил Чехова-врача с «добрым самарянином» [8, с. 357], героем известной евангельской притчи, который следовал заповеди «возлюби ближнего твоего, как самого себя», а рассказ «Архиерей» назвал «истинным шедевром» [8, с. 455] – «свидетельством зрелости, и предсмертной, неосознанной просветленности» [8, с. 453].

Н. В. Капустин сделал вывод, что Чехову близки многие этические ценности христианства, эстетика обрядов и красота церковного слова: «Чехов-художник тяготел к свойственному Библии сочетанию бытового и высокого, частного и всемирного, что “вечная книга” оказала воздействие на строй этических рассуждений писателя, всегда опирающихся на конкретный эпизод, а церковная литература повлияла на ритмический строй его речи» [9].

На наш взгляд, «выдавливание из себя раба» сформировало в Чехове его отношение ко всему религиозному. Он отошел на некоторое расстояние от религии и, перестав лицемерить и поклоняться чужим мыслям [1, П., т. 3, с. 133], смог увидеть ее общим планом. При этом нельзя говорить, что этот отход способствовал угасанию интереса ко всему религиозному. Сам писатель впоследствии, обращаясь к А. С. Суворину, говорил, что недопустимо русскому писателю не знать религии своей страны [1, П., т. 3, с. 217]. Несмотря на противоречивое отношение к вере, в творчестве зрелого Чехова мы обнаруживаем, что он считал веру в Бога важным условием для обретения смысла жизни: «Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли ле-

тят, для чего дети рождаются, для чего звезды на небе... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трын-трава» [1, С., т. 13, с. 147].

Дистанция от религии и вместе с тем понимание, что в жизни каждый идет своим путем, отразились в рассказе «Архиерей». Чехов не превозносил своих персонажей в сани, а относился к ним обыденно. Это вызвало неоднозначные мнения среди читателей. Так, поэтесса и прозаик Олеся Николаева чрезмерно критиковала чеховский рассказ за «жестокость» и неправдоподобие: «Жестокость писателя, однако, не в том, что его герой умирает, и немедленно исчезают все следы его жизни на земле <...> а в художественном контексте. <...> Чехов не позволяет архиерею выполнить <...> обещание. <...> Если Бог даст, напишу своего “Архиерея”, пусть тоже обремененного человеческими слабостями, но носящего на себе печать и тайну Божиего избрания и призвания» [10]. Это взгляд на архиереев со стороны, идеализированный. Будучи внутри церковной жизни, Чехов многократно видел их и писал о них предельно реалистично.

Однако надо сопоставить и отзывы двух известных мыслителей конца XX в. – А. И. Солженицына и протопресвитера А. Шмемана. Оба были верующими людьми, даже были знакомы, при этом прочтение «Архиерея» вызвало у них разное понимание.

А. И. Солженицын удивлялся, почему этот рассказ не показался ему шедевром и почему в нем нет «ни одной высокой духовной мысли, ни от архиерея, ни от автора» [11, с. 709]. В то время как Шмеман, будучи священнослужителем, напротив, проникся героем и нашел много возвышенно-духовного, сущностного: «О чеховском “Архиерее”, как какое-то внутреннее освобождение и очищение: поразительная музыка этого рассказа, которую я и пытался дать почувствовать; эти темы – матери и детства, Страстной – на фоне Сисоев и Демьянов-Змеевидцев, все это такое высокое, такое чистое искусство, и в нем больше какой-то внутренней сущности христианства и Православия, чем в богословских триумфалистских определениях. Тайна христианства: красота поражения, освобождение от успеха. “Скрыл сие от премудрых...” Все в этом рассказе – поражение, и весь он светится необъяснимой, таинственной победой: “Ныне прославился Сын Человеческий...”» [12].

Приведенные слова говорят в пользу того, что Чехов, понимая глубину человеческой души,



главные выводы предлагает сделать самому читателю. Неслучайно этот рассказ литературная критика нашла достойным высокой оценки, считая его шедевром. Важно то, что благодаря религиозному началу, христианской культуре, которую он воспринял с детства, Чехов правдоподобно показывает церковную жизнь, вводя ее в окружающую действительность. Исследователи отмечали «эффект присутствия» в рассказе [13, с. 665].

Понимание «Архиерея» во многом связано с судьбами и переживаниями конкретных людей. При поверхностном прочтении кажется, что ничего особенного не происходит, что описывается лишь обыденная жизнь и смерть епископа. Но стоит изменить фокус зрения, многое открывается по-другому – человеческая душа и ее переживания, преображение и надежда «на будущее, какая была и в детстве» [1, С., т. 10, с. 195].

Таким образом, рассказ Чехова «Архиерей» обнаруживает знание писателем основ церковной жизни и ее смыслового наполнения. Храмовое богослужение является изображением вероучения церкви, в нашем случае – олицетворением идей христианства, которые были близки Чехову и на которые он опирался в своем творчестве. Из его писем видно, что для него христианство – глубокий кладезь, в то же время он сам находился в поиске Бога. Как говорил писатель, вера в Бога должна быть личным делом человека [1, С., т. 10, с. 142]. При этом, разделяя такое мнение, Чехов творил исходя из христианских основ русской культуры, которая была ему очень дорога. В вопросе религии в творчестве Чехова следует различать его личную религиозность и его отношение к христианству как русского писателя. Это отношение было разным. На примере «Архиерея» мы видим, что история жизни простых людей во время Страстной седмицы наполнена христианскими образами, свойственными русскому укладу.

Перерождение человека и его укоренение в церкви показаны на примере монашеской традиции смены имени при постриге: Павел стал Петром. В этих именах угадываются библейские апостолы – образованный Павел, автор книг Нового Завета, и «камень веры» Петр, самый старший из апостолов, что соответствует образу чеховского архиерея, который иерархически был выше остальных персонажей рассказа.

Переход человека в мир, где «несть болезнь, ни печаль», переданы через образ Пасхи, образ победы над смертью, к которой приводят болезни и печали. Очевидно, с надеждой на будущую жизнь умирающий архиерей думал: «Как хорошо!» [1, С., т. 10, с. 200]. В этих словах заключена идея вечной жизни после смерти – главного пасхального мотива.

К. И. Чуковский писал, что «Архиерей» – вершина чеховского творчества: «Весь рассказ проникнут <...> состраданием к несчастному <...> он создал целый цикл рассказов, где каждое явление русской жизни измерялось одним-единственным моральным мерилom – совестью. Требовательной, суровой, встревоженной совестью» [14, с. 243]. При этом выводы автор предлагает читателю сделать самостоятельно, привести свои биографические параллели или увидеть себя в ком-то из персонажей рассказа.

Общим для всех людей является окончание земной жизни. Тема смерти присутствует во многих богослужебных текстах. Видимо, ее осмысление Чеховым состоялось еще во времена «певческого послушания». Писатель в своем творчестве касался этой темы, считая, что к смерти нужно быть готовым, а еще быть готовым к забвению и невостребованности [15, с. 234], даже если при жизни человек обладает высоким статусом. Вероятно, создавая этот рассказ, Чехов пытался ответить самому себе на вопрос, какой будет жизнь здесь, на земле, без меня? Это тяжелый вопрос, но ответ на него помогает выше ценить жизнь и правильнее распоряжаться отпущенным временем. А время Чехова шло неумолимо – в 1902 г. ему было 42 года (книжному архиерею столько же), и он тяжело болел. Им уже был написан ряд произведений о духовном сословии: «Повествования свои о духовенстве Чехов начинал отцом Христофором Сирийским в “Степи”, продолжал дьяконом в “Дуэли”, кончил обликом преосвященного Петра – сам, вероятно, не сознавая, что дает удивительную защиту и даже превознесение того самого духовенства, которому готовили уже буревестники мученический конец» [8, с. 454]. «Буревестники» революции.

Итак, рассказ «Архиерей» является итогом развития религиозного чувства Чехова. Полученное в детстве воспитание было впоследствии переосмыслено писателем и лишилось крайностей, которые шли от деспотичного отца. Рели-



гиозное начало, сформированное в отрочестве, продолжило существовать в сознании взрослого Чехова. Оно давало ему возможность мыслить на нравственно-философские темы и анализировать происходящее вокруг, перекладывая увиденное на бумагу.

Глубина мысли и обращение к библейским основам при непосредственном жизненном сюжете, «с тем совершенством простоты, которая дается трудом целой жизни» [8, с. 452], особенно ценны, учитывая значение Чехова для русской и мировой литературы XX в.

### Список литературы

1. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т.; Письма : в 12 т. / редкол. : Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1974–1983.
2. Роскин А. Антоша Чехонте. М. : Советский писатель, 1940. 187 с.
3. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка / сост., подгот. текста и коммент. Е. М. Гушанской, И. С. Кузьмичева. М. : Захаров, 2012. 960 с. (Биографии и мемуары). EDN: QXJNFX
4. Чудаков А. П. «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...» Чехов и вера // Чехов: pro et contra : антология : в 4 т. Т. 3. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. С. 649–658. EDN: TLHSVG
5. Головачёва А. Г. Епископ Таврический Михаил (М. М. Грибановский) и его отражения в биографии и творчестве А. П. Чехова // Биография Чехова: итоги и перспективы : материалы Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 7–9 декабря 2006 г.). Великий Новгород : Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. С. 90–109.
6. Пимен (Хмелевский), архиепископ Саратовский и Вольский. Дневники. Саратовская епархия : в 2 ч. Ч. 2. 1985–1993. Саратов : Изд-во Саратовской митрополии, 2014. 686 с.
7. Сириин Ефрем, свят. Творения : в 8 т. Т. 4. М. : Русск. изд. центр им. Святого Василия Великого, 2014. 464 с.
8. Зайцев Б. К. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1999. 672 с.
9. Капустин Н. В. Чехов и религия. URL: [https://lit.1sept.ru/view\\_article.php?ID=200900413](https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=200900413) (дата обращения: 08.01.2024).
10. Николаева О. «Я своих героев люблю!» URL: <https://radonezh.ru/analytics/pisatel-olesya-nikolaeva-ya-svoikh-geroev-lyublyu-47759.html> (дата обращения: 14.01.2024).
11. Солженицын А. И. Окунаясь в Чехова // Чехов: pro et contra : антология : в 4 т. Т. 3. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. С. 685–715.
12. Шмеман А., протопресв. Дневники. URL: <https://azbyka.ru/forum/xfablog-entry/moj-shmeman.1347/> (дата обращения: 21.09.2023).
13. Зоркая Н. М. Чехов и «серебряный век»: некоторые оппозиции // Чехов: pro et contra : антология : в 4 т. Т. 3. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. С. 659–669.
14. Чуковский К. И. О Чехове. Человек и мастер // Чехов: pro et contra : антология : в 4 т. Т. 3. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. С. 187–283.
15. Собенников А. С. Творчество А. П. Чехова: пол, гендер, экзистенция. М. : ЯСК, 2021. 288 с. (Studia philologica).

Поступила в редакцию 20.11.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 30.04.2025; опубликована 29.08.2025  
The article was submitted 20.11.2024; approved after reviewing 11.02.2025; accepted for publication 30.04.2025; published 29.08.2025